

ПЕРВЫЙ ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

В этом и следующих эссе я расскажу как Помпей несколько лет, с 66 по 62 годы, боролся за власть в Риме, будучи в Азии, и о том, кто в Риме в это время противостоял Помпею. Первый текст будет о событиях 66 и начала 65 г.

О первом заговоре Катилины в 66-65 годах рассказывают несколько древних историков, а упоминают его еще многие другие. Все рассказы коротки, неясны и противоречивы, да, впрочем, и обо всех событиях 66 года можно сказать то же самое. Шесть главных действующих лиц – консулы 66 года, избранные в первый раз в консулы на 65 год, но осужденные и не вступившие в должность и избранные на их место консулы 65 года – появляются в книгах историков практически только в этом эпизоде и о них очень мало известно, а ведь именно они «делали историю» в это время. Очень трудно определить, на стороне какой из тогдашних партий выступали некоторые из этой шестерки – у одних известны связи и пересечения с разными партиями, у других ни с одной. Но все-таки информации и о людях, и о событиях 66 года много – скажем, в 70-х нет ни одного года, о котором было бы столько известно. Я предложу версию, на точности которой в некоторых деталях не настаиваю, но в главных моментах которой уверен. Вам судить, насколько она убедительна.

Римские партии в 66 году

Партия Помпея

Итак, в первой половине 66 года самой влиятельной политической группой в Риме была возникшая в результате раскола партии Метеллов партия Помпея и Сервилия Исаврика. Из-за того, что эта группа сформировалась в результате раскола предшествующей ей властной группировки, ее власть была неполной и непрочной.

В восточных провинциях республики Помпей по закону трибуна Манилия, принятом в начале 66 года, имел высшую военную власть над провинциями Азия, Вифиния, Понт и Киликия, армию в 40-50 000 римлян-легионеров, с правом набрать до 120 000 человек, конницу в несколько тысяч человек, флот из сотен кораблей и юридически и фактически доходы римского государства в восточных провинциях и возможность получать любые средства от подчиненных республике царей и городов.

В Риме партия Помпея имела довольно ограниченную власть. Можно определенно сказать, что ни один из консулов не был активным сторонником Помпея. К сожалению, и о самих консулах, и об их действиях известно настолько мало, что можно делать только самые общие предположения об их «партийной» принадлежности. Один из консулов 66 года, Маний Лепид, в момент избрания в 67 году, принадлежал, видимо, к группе Метеллов и теперь, после ее раскола, если не поддерживал группу Помпея, то, во всяком случае, не был и ее явным противником. Вторым консулом, Волкаций Тулл, «новый человек», судя по его действиям, если и был во время избрания в 67 союзником Метеллов, уже в 66 году Помпея определенно не поддерживал.

В прошлом, 67 году, такой же состав консулов (Пизон – противник Помпея, Глабрион – неактивный метелланец) не помешал Помпею и Исаврику провести нужные им законы, и в то время, когда им было необходимо, фактически править Римом. Они добились этого руками народного трибуна Габиния. Габиний выдвигал один за другим популярные законопроекты, и его поддерживала уличная толпа, неожиданно агрессивная, удивительно хорошо организованная и послушная своему предводителю. Как только Габиний встречал реальное или мнимое сопротивление, хотя бы и законное, со стороны сената или магистратов, то постоянно прибегал к организованному насилию или угрозе насилия. Имея поддержку в сенате, он мог быть уверен, что Сенатусконсультум Ультимум (SCU), постановление сената о наделении магистратов чрезвычайными полномочиями для восстановления законного порядка, принято против него и его сторонников не будет (попытки Катула и Гортензия добиться принятия SCU разбились о пассивное сопротивление сенаторов). В результате Габиний просто-напросто делал что хотел, а хотел он делать то, что выгодно Помпею. Когда срок полномочий Габиния истек, он, чтобы избежать суда за организацию беспорядков, добился с помощью других помпеянцев должности легата Помпея и уехал из Рима. Габиния сменил другой помпеянец, Манилий.

В 66 году трибун Манилий попытался повторить успех Габиния теми же средствами. Конечно, главным его законом был закон о назначении Помпея командующим против Митридата. Кроме этого закона Манилий выдвигал и другие законопроекты, неприемлемые для сената и позволяющие возбудить римскую толпу против сенаторов. Например, Манилий выдвинул законопроект о равномерном распределении вольноотпущенников по трибам (по действующим законам их включали только в четыре городские трибы). Похоже, что такое распределение могло сильно изменить даже состав центурий состоятельных граждан, определявших исход консульских выборов, и поэтому вызвало ожесточенное сопротивление сената, а римские низы, прежде всего рабы и вольноотпущенники, наоборот, проект Манилия поддержали. Во время голосования дело дошло до насилия и убийств. Сторонники закона окружили Форум, чтобы не допустить противников до голосования. Молодой Агенобарб, квестор из партии Катула (о ней ниже) во главе вооруженных сторонников силой прорвался на Форум, при этом люди Агенобарба убили несколько сторонников Манилия. Комиции все же приняли закон, но он вскоре был отменен сенатом из-за несоблюдения Манилием процедуры (в этом случае сенат имел полномочия отменить закон, принятый с нарушениями).

Я думаю, насущной необходимости в принятии этого закона не было. Действительно, в стремительно растущем рабовладельческом Риме 70-х – 60-х новых граждан-вольноотпущенников должно было быть много – Цицерон говорил, что раб в те времена мог обычно рассчитывать, что его отпустят на волю через шесть лет. Но ни необходимости для Республики в более равном учете их голосов, ни такого недовольства с их стороны, которое бы угрожало Республике, не было – ни до ни после 66 года и закона Манилия мы ничего не знаем о том, что кто-то вообще в римском государстве об этом деле вспоминал, включая самих вольноотпущенников. Поэтому, конечно, не был вопрос о равных правах вольноотпущенников и частью «программы популяров», как писали некоторые исследователи, иначе бы он не

поднимался бы в римской политике так редко и случайно. У «популяр», по моей версии, не было никакой «программы». Это были политики, добивающиеся власти с помощью предложения мер, которые могли бы принести им поддержку беднейших слоев римских граждан. Системы, «программы» их действия не образовывали, однако выбирались, конечно, не случайно. Целью их были сохранение, расширение или захват власти той группой, к которой принадлежал предлагающий их «популяр».

В случае с «популярами» Габинием и Манилием, на мой взгляд, их законы и действия можно поделить на три части. Первые – законы о наделении Помпея чрезвычайной властью и одновременно с ними о сломе конституционных правил в пользу «народа», то есть в той ситуации толпы, поддерживающей все, что связано с именем Помпея. Вторые, в случае Габиния, – действия в пользу других участников партии Метеллов, пока она была еще единой. И третьи, как раз такие, как закон Манилия о вольноотпущенниках, имели целью возбудить ту или другую часть низов на выступление против сената во главе с самим Манилием, в то время, когда ему это было нужно. Специально или нет Манилий не соблюдал формальности при выдвижении закона и пытался насильственно отстранить от голосования противников, в любом случае это привело к тому, что в конечном счете все усилия сторонников закона ни к чему не привели, статус вольноотпущенников Манилий не изменил, но зато добился того, что они остались очень недовольными сенатом. Такие меры Гай Гракх называл «бросанием кинжалов на Форум», это практически в чистом виде то, что сейчас называется «экстремизмом», разжигание розни, нарушение и расшатывание существующего порядка без цели его улучшить или создать новый.

Конечно, Помей и Исаврик не хотели превращать Рим в анархические «Афины», отдав неограниченную власть разозленной толпе и ее вожакам. Габиний и Манилий свои самые незаконные и безобразные акции устраивали в отсутствие Помпея. Помпей даже в 67 году во время краткого возвращения в Рим демонстративно одернул Габиния, когда тот зашел слишком далеко. Я думаю, предполагалось, что пока Помпея нет, трибуны будут продолжать находить способы возмущать толпу, а когда Помпей вернется, беспорядки утихнут. Точнее, утихнут они как только Помпей получит от сената достаточную власть и полномочия, которые удовлетворят и успокоят обожающий его народ. А с точки зрения интересов сената эти полномочия позволят Помпею поддерживать порядок в государстве и защищать правящий класс от анархических низов. Такой вот почти открытый шантаж.

Кроме Манилия к группе Помпея в 66 году явно принадлежали несколько видных политиков, совместно действовавших в Риме в пользу Помпея и поддерживавших друг друга.

Прежде всего, это четыре консуляра, открыто поддержавших закон Манилия о предоставлении империя Помпею: Сервилий Исаврик, Лентул Клодиан, Курион и Кассий.

Претор 66 года Кассий, помогавший Корнелию избежать суда (об этом ниже).

Марк Туллий Цицерон, новый человек, лучший римский оратор того времени. В 66 году – претор. В начале года поддержал закон Манилия, произнес перед народом известную речь за принятие закона и, видимо, выступал в поддержку других инициатив своей группы. Для помпеянцев, опиравшихся более всего на толпу,

популярный и находящийся на пике своих способностей оратор был чрезвычайно полезен. К тому же Цицерон как претор мог в большой степени контролировать ход важнейших судебных дел, что, как мы увидим, тоже было одним из важнейших помпеянских ресурсов.

Гай Юлий Цезарь, избранный в 66 эдилом на 65 год. Тоже активно и открыто выступал в поддержку закона Манилия (а перед тем – единственный из сенаторов – и закона Габиния).

Луций Сергий Катилина, претор 68 года, в 67-66 – пропретор Африки, похоже, он входил в группу Метеллов, а после ее раскола встал на сторону Помпея, в Рим он вернется во второй половине года и активнейшим образом включится в борьбу на стороне и чуть ли даже не во главе помпеянцев.

Наконец, к партии Помпея можно отнести Публия Суллу, выставившего кандидатуру в консулы на 65 год. Сулла был женат на сестре Помпея, это определенно означало политический союз между ними.

После того, как Помпей разошелся с влиятельными «тяжеловесами» – Метеллами, и добился успеха вместе со своими малознатными друзьями, такими, как Габиний, некоторые менее знатные и маловлиятельные римские политики, не входившие в самые сильные группы (или бывшие в этих группах на вторых ролях) и не имевшие шанса достичь консульства, увидели для себя возможность выдвинуться, если они поддержат новую группу Помпея и возьмут на вооружение его методы. Публий Автроний, еще один кандидат в консулы на 65 года, вероятно, был как раз таким политиком.

Пожалуй, это все влиятельные или заметные политики, которых можно отнести к помпеянской партии в Риме в 66 году. Если сравнивать их с Метеллами в 69-67, бросается в глаза немногочисленность партии, малое количество влиятельных «тяжеловесов»-консуляров и наоборот, большое – молодых активных политиков, делающих ставку на популярность.

Малочисленность и слабость помпеянцев в Риме объясняется еще и тем, что многие видные сторонники Помпея, и в 66 году, и в последующие годы находились с ним в Азии в качестве легатов и квесторов – Метелл Целер и Метелл Непот, Габиний, Афраний, Кальпурний Пизон Фруги (все – будущие консулы), Эмилий Скавр и другие. Эта часть помпеянцев явно рассчитывала получить выгоды от побед Помпея, которые можно будет использовать в перспективе – военную славу и возможность обогащения, пока их товарищи удерживают власть в Риме. Такая конструкция вскоре окажется ненадежной из-за большого расстояния между двумя группами и невозможности тесно координировать их действия.

Как видите, по сравнению с Метеллами партия Помпея-Исаврика контролировала гораздо меньшую часть высшей власти – только один из двоих консулов с оговорками может быть отнесен к «помпеянкам», а среди консуляров, фактически определявших позицию сената, у «помпеянцев» было меньшинство. Именно эту главную слабость помпеянцев в Риме их противники использовали в борьбе, развернувшейся во второй половине 66 и начале 65 года.

Другая слабость помпеянцев была в том, что они имели слабые позиции в судах (впрочем, эта же слабость была еще и у Метеллов, судя по тому, что их противник Пизон избежал суда в 67, а их сторонники суда опасались).

Вот пример. В первой половине 66 года народного трибуна 67 года Корнелия, который вместе с Габинием выдвигал популярные законопроекты (в том числе закон, наделяющий римский народ исключительным правом освобождать отдельных лиц от действия законов – понятно, что за лицо имелось в виду) и устраивал беспорядки попытались привлечь к суду за организацию беспорядков по закону об оскорблении величия римского народа (в наше время это называется преступления против государственного строя).

Вот как описывает дело Асконий: *«обвинители были окружены перед трибуналом известными главарями банд, так что им угрожала смерть, если бы они немедленно не отказались [от обвинения]. Они едва избежали гибели благодаря вмешательству консулов, которые согласились быть заступниками подсудимого. Коминии [братья-обвинители, начавшие процесс] убежали на какой-то чердак, спрятались там, скрытые ночной темнотой, а оттуда по крышам соседних зданий бежали из города. На следующий день, когда Луций Кассий прибыл на заседание и назначенные обвинители не явились, имя Корнелия было вычеркнуто из списка подсудимых».*

Итак, Корнелий и не пытался защищаться законными средствами, найдя адвоката, свидетелей и так далее, вместо этого он мобилизовал банды, которые терроризировали обвинителей, претор Кассий – председатель суда не явился (что было почти беспрецедентным нарушением закона), а консулы «спасли» обвинителей, но фактически выступили на стороне Корнелия, порядок восстанавливать они даже не пытались, обвинители в такой ситуации отказались от обвинений и суд не состоялся.

Что мы тут видим: помпеянцы, в этом эпизоде это Корнелий, консул Лепид и, вероятно, претор Кассий, даже не пытаются победить в судебном процессе, который бы проводился по закону и добиваются его прекращения с опорой уже даже не на толпу, а на организованные банды своих сторонников, и угрозами и беззаконием просто срывают суд.

Тактически на это раз у помпеянцев все сработало. Однако именно необходимость для избежания обычного суда (обвинения в нарушениях при исполнении магистратуры и последующие суды были в тогдашней римской полиике делом совершенно обычным) привлекать даже и консулов (!) и совершать новые, многочисленные и более серьезные нарушения закона показывает, что помпеянцы исходили из того, что суды контролируют их противники.

Суды были важнейшим после выборов полем конкуренции и способом борьбы за власть в Республике, так что слабость на этом поле была для помпеянцев потенциально очень опасной.

Как видите, помпеянцы в Риме пока компенсировали слабость в количестве влиятельных сторонников и в судах опорой на толпу и сверхпопулярность Помпея, а также готовностью к насилию и незаконным действиям. Однако, судя по действиям Агенобарба, их противники опомнились от неожиданности, мобилизовали своих сторонников и начали пробовать силы в уличных схватках.

Стратегически ставка помпеянцев на анархию и силу на первый взгляд не имеет перспектив – ну раз устроили беспорядки и беззаконие, два, а что дальше? Противники же найдут новых обвинителей, а перечень обвинений помпеянцы сами своими же действиями только увеличивают – так и случилось, в следующем году Корнелий был вновь обвинен в оскорблении величия и на этот раз осужден.

Конечно, помпеянцы в 66 году не могли не понимать свои слабости и не видеть невозможность удержать власть законным образом, но, выходит, рассчитывали, что если любой ценой продержаться еще немного, то все их преступления будут покрыты, забыты и прощены. Когда Помпей вернется, он своими властью, авторитетом, деньгами защитит и отблагодарит тех, кто готовил в Риме его возвращение.

Но чем больше помпеянцы шли на обострение, тем активней и решительней действовали их противники, которые тоже были готовы на все, чтобы не допустить ТАКОГО возвращения Помпея.

Партия Катула («оптиматы»)

Маленькая группа нобилей, яростно противодействовавших Помпею и Метеллам – Катул, Гортензий, Гай Кальпурний Пизон, – появляется на политической арене Республики в 67 году и терпит полное поражение. Однако в следующем году группа Катула набирает силы и берет реванш.

Квинт Лугаций Катул Капитолийский – пожалуй, самый недооцененный и незаслуженно забытый деятель поздней Республики.

Как вы помните из прошлого эссе, когда Катул в 67 году, пытаясь убедить римский народ назначить сверхпопулярному Помпею, всеобщему любимцу и надежде на спасение Рима от пиратов коллегу, спросил толпу: *если Помпей потерпит неудачу в этом поручении — как нередко случается во многих войнах, особенно на море — кого другого вы найдете, чтобы занять его место при решении еще более важных задач?* – и весь народ в ответ, не стовариваясь, ответил: «Тебя!»

Из всего поколения римских политиков, пришедших к власти в начале 70-х, после того, как их отцы уничтожили друг друга в гражданских войнах 80-х, Катул был самым деятельным, самым принципиальным, самым нестигаемым, самым уважаемым, – и, к 66 году, чуть ли не самым неуспешным.

Катул впервые выдвинулся на авансцену римской политики уже в зрелом возрасте, в 82 году, когда ему было уже лет сорок. Тогда он возглавил сенатское сопротивление против намерений Суллы начать неограниченные репрессии и открыто выступил против всесильного в тот момент победителя в гражданской войне. В 78 году, после смерти Суллы, Катул-консул едва ли не в одиночку добился объявления войны пытавшемуся отменить сулланские порядки и объединившему всех недовольных ими Лепиду, возглавил силы сената и выиграл войну, а после победы отказался от триумфа. Однако после этого он практически исчезает из политики более чем на 10 лет.

Он был человеком, который всегда, гораздо более явно, чем кто-либо из людей, ставил общее благо превыше всего, говорит о Катуте Дион Кассий. Катул был главным римских консерватором, он всегда выступал против любых больших

изменений и реформ. Однако его целью было не сохранение власти сената любой ценой – в 70 году он открыто признал, что коррумпированные и антинародные сенатские суды сами изжили себя. Катул противодействовал таким изменениям, которые разрушали традиционное политическое устройство Республики и расчищали дорогу к власти политикам, стремившимся к единовластию. Общее благо, борьба за сохранение Res Publica и свободы было для Катула делом всей жизни.

Он был очень слабым оратором (Цицерон в книге «Об ораторах» вообще говорит «не был настоящим оратором» – больше никто из множества современников, упомянутых в этой книге Цицероном, не удостоился от него такой уничижительной характеристики), не умел интриговать, неуклюже выступал как кандидат на выборах (Лепид обошел его на консульских выборах, Цезарь выиграл у него выборы в великие понтифики), был негибким и плохо и медленно учился политическим маневрам, а компромиссы ненавидел. Такой человек, кажется, просто не мог преуспеть в тогдашней римской политике! Однако Катул имел и сильные стороны – принципиальность, храбрость, постоянство, личную скромность (не то чтобы у него полностью отсутствовало честолюбие, но в обычных «состязаниях» нобилей у кого больше должностей и почестей он не участвовал, легко отказавшись от триумфа и от проконсульства, досрочно сняв с себя ради политической цели полномочия цензора), неутомимая энергия, упорство и умение не признавать поражений и сражаться до конца. Римляне могли не любить его или не соглашаться с ним, но, кажется, уважение к Катуту, признание его высочайшего морального авторитета были в Риме всеобщими.

Отец Катутула не оставил ему в наследство родственной сети политических связей, единственным родственником, другом и союзником Катутула был великий оратор Гортензий, женатый на сестре Квинта Лутация. Кажется, какое-то время Катул даже и не пытался создать свою партию, в 70-х он выступает один, как будто уверенный, что все порядочные люди просто не могут не признать его правоту и не поддержать его! Вообще Катул, кажется, долго переоценивал добросовестность и сплоченность сенатского сословия, прежде всего правящей верхушки – нобилей и консуляров, и рассчитывал увлечь, сплотить и направить своим их личным примером, как ему это удалось один раз в 78 году.

Я думаю, события 72-70 гг – ожесточенная внутренняя борьба между группировками Метеллов и Красса, поставившая Рим на грань новой гражданской войны, необдуманные широкие реформы, на которые пошли Метеллы ради захвата власти, сильно разбалансировавшие политическую стабильность, заставили Катутула отбросить любой идеализм. Он понял, что кроме него у Республики просто нет защитников, что все остальные «гранды» готовы ради власти поступиться законами предков, конституционным строем и даже самой свободой, выдвигая популярных вождей в «монархи». Видимо, именно тогда Катул (это прозвище, унаследованное от предка, означает на латыни «песик») и стал тем цепным псом-сторожем Республики, которым мы видим его с 67 года и до самой смерти. Катул начал грязную, тяжелую работу по созданию своей партии – в одиночку, даже и вдвоем с Гортензием, он был бессилён.

Катул строил свою партию не по обычным нобильским правилам. Он не создавал сети родственных связей и не строил «дружб» – амицитий на основе

взаимного обмена помощью и услугами. Дружба для Катула существовала отдельно от политики – так, Катул добился политического уничтожения и изгнания Катилины, оставаясь при этом его лучшим и ближайшим другом, так что Катилина, уезжая в изгнание, отдал ему, главному противнику, под защиту и покровительство свою жену и свой дом.

Я предполагаю, Катул отбирал людей, которых он считал честными и достойными, и требовал от них какой-то личной клятвы, обязывающей их поддерживать Катула в политике и общественных делах. В ответ Катул, видимо, давал клятву дать каждому из товарищей то, что им было критически необходимо. Скажем, Цицерону он обещал защищать его от всех последствий его действий в защиту политики группы Катула – и Республики, Октавию – усыновление его сына. Обмен клятвами был тайным. Главное подтверждение этой версии, которое я могу привести – это слова Цицерона после смерти Катула.

Цицерон, которому угрожают обвинение и осуждение за его действия на стороне Катула против заговора Катилины, пишет: *Все-таки прими, пожалуйста, во внимание, что после смерти Катула я держусь пути оптиматов без какой бы то ни было защиты и охраны, ибо, как, кажется, говорит Ринтон, одни — ничто, другим же дела нет.*

Вы, конечно, вольны не соглашаться с этим предположением, но я все-таки прошу его принять как возможное хотя бы до конца чтения этого эссе, иначе вам, наверное, лучше обратиться к другим книгам, где таких предположений нет, а большинство действий политиков объясняются или следованием «партийной программе», или личными счетами.

Из-за того, что такие договоры были личными и не скреплялись родственными связями, участников партии Катула определить сложнее, часто их приходится «вычислять» по косвенным признакам. Однако я думаю, что нельзя отступать перед недостатком информации. Конечно, из-за него некоторые предположения будут обоснованы мало. Я здесь предпочту возможно, ошибиться, но последовательно применить те же принципы рассмотрения римской политики, которые описал раньше – в политике и борьбе за власть люди действуют не по одиночке, а организованными и сплоченными группами, и каждое из действий имеет определенную цель и смысл в контексте действий группы (хотя не обязательно поставленной цели достигает).

Собранная по принципам компетентности и добровольной взаимной верности, партия Катула была меньше других, но сплоченней и активней. В 66 году в партию Катула входили:

Консуляры: Катул, Гортензий, Кальпурний Пизон (в 66 – проконсул в Цизальпинской Галлии, не в Риме).

Претории: Луций Торкват (консул-65), Марций Фигул (консул-64).

Молодые политики:

Кальпурний Бибул (в 66 будет избран в эдилы на 65), Агенобарб (в 66 – квестор или избранный квестор на 65 год).

Немного позже, в 65 в партию Катула войдет молодой Марк Порций Катон, который в 60 году возглавит остатки группы после смерти Катула, в событиях рубежа 66-65 гг он не участвовал.

Интересно, что группа Катула, самая консервативная по проводимой политике, по составу наименее «сулланская» и наиболее «марианская» из всех тогдашних партий, гораздо больше связана с проигравшими в гражданской войне 80-х, чем с победителями. Сам Катул выступал против проскрипций Суллы в 82, был эдилом и, возможно, и претором в правление Цинны, Гортензий во время правления Цинны блистал как оратор в Риме, брат Агенобарба был марианским наместником Африки и погиб в войне с Помпеем, юный Катон хотел убить Суллу-тирана.

Приведу пример того, как я конструирую принадлежность к «группе Катула». Гай Кальпурний Пизон, консул 67 года, стоит особняком среди семей патрицианского рода Кальпурниев. Остальные Кальпурнии этого времени известны, их отцы, деды, иногда и прадеды уже были консулами. Об отце Гая Пизона мы не знаем ничего. Этот Пизон появляется из неизвестности в 68 году, тратит невероятные по тому времени деньги на подкуп избирателей и обвинителей, проходит в консулы, ожесточенно противостоит Помпею и Габинию вместе с Катулом и Гортензией, и действует вместе с Катулом дальше, еще и в 63 году. Применяв все те же принципы, можно предположить, что, конечно, у одного Пизона не могло быть ни таких денег, ни такой готовности беспрецедентно нарушать закон, не считаясь с последствиями. Из его дальнейшего союза с Катулом следует, что Пизон получил деньги от Катула и с помощью Катула, что и поддержку на выборах ему обеспечили Катул и Гортензий, и они должны были защищать его от суда за нарушения на выборах, которого он благополучно избежал взятками в 3 миллиона сестерциев.

И еще об одной слабости группы Катула: у нее, во всяком случае в 66 году, явно не было в распоряжении сумм, сравнимых с теми, которые были у Помпея или Красса. Катул и Гортензий обладали большими личными состояниями, унаследованным у Катула и приобретенным у Гортензия, но все же порядок сумм, которыми они располагали, я бы оценил в единицы миллионов денариев, а не десятки, как у их противников – Красса и Помпея. Причина в том же – Катул создавал свою группу практически в одиночку, к 67 у нее не было в составе наместников, вернувшихся из богатых провинций или возможности собирать «оброк» с возвращающихся в Рим наместников из других групп. Она появится, когда они придут к власти – и они ее, конечно, используют.

Партия Красса

Группа сенаторов, во главе которой с 73 года стоял молодой Луций Лициний Красс, была разгромлена Метеллами в 70 году. Аппиан говорит, что Красс тогда имел большое влияние в сенате, но в 69 цензоры-метелланцы вычистили из сената 64 человека, видимо, большинство из этой группы. Больше современники и историки никогда не скажут о Крассе, что его влияние в сенате велико.

Похоже, что Красс не только не удержавший власть своей группы, но и не защитивший своих людей от краха – исключение из сената означало исключение из политики – и многие из группы Красса, не оказавшие ему действенной поддержки – разорвали политический союз. Можно привести в пример Автрония, который был в 71

году легатом Антония Критского, члена группы Цетега-Красса, а в 66 выступал как помпеянец.

В 69 и 68 гг о Крассе мы не слышим ничего, единственный раз, когда он появляется в источниках, пытается спасти своего союзника от осуждения, но безуспешно. Однако Красс и часть тех, кто входил в его партию и остался с ним после краха 70 года, явно не сдались, ядро этой группы сохранилось. Красс копил деньги и силы, заключал новые союзы, сохранял старые и ожидал удобного момента, чтобы продолжить борьбу за власть.

В 66 году мы снова видим Красса на коне, одним из ведущих римских политиков, стоящим во главе большой и влиятельной группы сторонников и союзников.

Отцы многих из этих людей были политическими союзниками и друзьями в 90-х и погибли в 80-х. В 90-е во главе группы, бывшей тогда у власти в Риме, стояли Эмилий Скавр и Красс Оратор, в нее входили Муции Сцеволы, Антоний Оратор, Юлий Цезарь, Порции Катоны, другой Красс – отец «нашего» Красса, Аврелий Котта, Сульпиций Руф, сам Сулла, Ливий Друз и другие.

В 66-63 гг во «вторую» партию Красса, как я ее реконструирую, входили (в скобках – родственной связи с членами группировки Красса Оратора в 90-х): Красс (сын), Антоний Гибрида (сын), Аврелий Котта (младший брат), Луций Юлий Цезарь (сын), Гай Юлий Цезарь (племянник (пока, в 66 этот – тот самый – Цезарь – еще помпеянец)). Мне кажется, для совпадения тут практически нет места и можно даже говорить о преемственности союза детей с союзом отцов.

Однако в целом партия Красса не была построена исключительно на сети унаследованных от отца дружб-амицитий-политических союзов. Это был скорее конгломерат из нескольких групп, которые соединяла личность Красса.

Первая – это перечисленные выше старые союзники Красса. С некоторыми из них, такими, как Котта, союз был, пожалуй, даже равноправным. Другие, такие, как Антоний, критически зависели от денег Красса, были у него в долгу, а значит, и в зависимости.

Вторая – это менее знатные деятели, выходцы из италийских муниципиев, которые при поддержке Красса и будучи в полной зависимости от него, его подчиненными, клиентами, поднимались по лестнице магистратур. Они были личной опорой Красса. Наиболее известен из них Квинт Аррий, которого Цицерон называет «подголоском» Красса.

И, наконец, третьи – это молодые и перспективные деятели, обычно знатные, у которых был свой «проект», поддержанный Крассом на определенных условиях. В отношениях с ними Красс действовал как бизнесмен-инвестор, он вкладывал деньги и другие ресурсы в их политическую карьеру, в случае успеха требовал ответной поддержки и действий в свою пользу, в случае же неудачи мог не разделять с ними все риски (осуждение, банкротство, потеря популярности), рискуя только вложенными суммами.

Кажется, первая партия Красса 70-х годов была устроена как широкий союз равных. Красс в то время вложил в лидерство много сил и средств, постоянно и крупно рисковал (в 73 году он был обвинен в святотатстве и едва избежал осуждения и

жестокой смертной казни), брал опаснейшие и сложнейшие дела на себя, много получил, но и много потерял. Как я понимаю, он сделал из этого выводы, и в 60-х действовал осторожнее, решив, что лично рисковал достаточно. В 60-е Красс часто выдвигает на рискованные дела, особенно связанные с возможным судебным преследованием, других людей из своей группы, а сам остается в тени, скрыто направляя или поддерживая их действия и дистанцируясь от последствий.

Для большой римской политики, в которой принято было не скрывать дружбы и союзы, а наоборот, открыто призывать «друзей» и клиентов на помощь везде – и на выборах, и в суде, и в сенате, и на форуме, и даже при предвыборной агитации на улице, такой образ действий был довольно непривычным. Римские политики должны были явно и полностью «засветиться», открыто встать на одну сторону, и обычно просто-напросто не могли поддержать союзника скрыто или «наполовину», это было бы воспринято как слабость, лицемерие и потому совершенно неэффективно. Но Красс располагал такими беспрецедентным, небывалыми до того и личными ресурсами – деньгами, бизнесами, связями, клиентами, союзами, – что мог себе позволить делать такие «инвестиции» из-за кулис, при этом они были достаточно эффективными.

Против Красса в 70-х использовали все законные и полу-законные методы, которые только существовали, от унижительной замены триумфа на овацию до страшного обвинения в святотатстве. Получив такой опыт, он явно перестал считать традиции и законы Республики для себя святыми и незыблемыми. Однако, с другой стороны, почувствовав на себе их силу, он стал рассматривать их все – конституционное устройство, полномочия магистратов, права жреческих коллегий, положение сословий – как ресурсы и инструменты. Красс стремится овладеть, взять под контроль, использовать в политической борьбе все институты Республики, даже те, которые до него никто не использовал, заблокировать их использование оппонентами или, наконец, если это выгодней – взять и отменить или изменить их, предложив реформу. При этом Красс стремится не нарушать закона и не прибегать к насилию, во всяком случае сам, открыто. Однако реформа власти Республики не была целью для Красса. По выбору средств именно Красс – настоящий наследник «консервативных» реформаторов» 90–80-х, Красса Оратора, Друза и Суллы, которые перекраивали конституцию для укрепления власти своей группы и подрыва позиций оппонентов.

В 71 году, сколько можно судить, амбиции Красса были очень велики, он претендовал, пожалуй, на как бы ни единоличную власть в Риме, подобно Сулле и Помпею. Болезненное поражение и потеря многих сторонников сделали его цели более умеренными. В 60-е, во всяком случае до 63 года точно, Красс стремится получить «блокирующий пакет». Он действует так, чтобы получить достаточно сильные позиции во власти, часть главных магистратур, и таким образом разделить власть с сильнейшей из групп так, чтобы иметь право «вето», чтобы ни одно важное решение не принималось без учета его интересов.

Перевоорот 66 года: суд отменяет выборы

Консульские выборы на 65 год прошли в 66 году, видимо, в обычный срок – в июле. Председательствовать на них должен был первый консул (консульские полномочия консулы осуществляли поочередно, в первый месяц года, январь – первый консул, потом второй и так далее, июль – седьмой месяц) – Маний Лепид. Председательствующий на выборах (он же руководил подсчетом голосов и объявлял победителя), как показывает вся римская история, в большой степени определял их исход. Выигравшими Лепид объявил Публия Суллу и Публия Автрония.

На последовавших немного позднее выборах на низшие магистратские должности тоже были избраны некоторые помпеянцы: в преторы – Аттий Цельс, убеждавший Цицерона защищать Манилия, в эдилы – Юлий Цезарь, служивший у Исаврика в 70-х, единственный сенатор, поддержавший закон Габиния в 67 году.

Однако проигравшие кандидаты Луций Торкват и Аврелий Котта на основании недавно принятого закона Кальпурния о домогательствах подали в суд на выигравших кандидатов, обвиняя их в незаконной агитации и требуя отмены выборов. Римский закон запрещал различные виды прямого и косвенного подкупа избирателей. Обвинения рассматривались в судах часто, но суды принимали решение против обвиняемого очень редко, последние консульские выборы были отменены лет за 50 до нашего времени. Однако по меньшей мере один из обвиняемых – Автроний, воспринял риск очень серьезно и защищался ставшими тогда уже привычными в Риме «помпеянскими» методами. Цицерон: *Слушание дела о незаконном домогательстве Автроний захотел прервать, а судей — разогнать, сначала мятежными выступлениями гладиаторов и беглых рабов, а затем, как все мы видели сами, с помощью толпы, бросавшей камни. Сулла же, полагаясь на свое чувство чести и на свое достоинство, ни у кого помощи не искал.*

Трудно сказать, что тут правда, а что преувеличение. Самым странным и даже невероятным кажется то, что Сулла в важнейшем в его жизни деле, в борьбе за высшее место в карьере, консульство, «ни у кого не искал помощи», в Риме дело совсем небывалое, все-таки наверное Цицерон подразумевает, что Сулла не действовал незаконными методами. Впрочем, обвинители Суллы утверждали, что он позднее, на повторных выборах все же помогал Катилине с помощью вооруженных отрядов.

Суд по такому же делу в 63 году шел два месяца, так и здесь, наверное, приговор был объявлен в сентябре. Выборы были отменены, обвиняемые наказаны лишением права занимать должности и сословных прав и привилегий.

Я полагаю, что отмена выборов была как гром среди ясного неба. Ни о каких особенных (да и вообще ни о каких) нарушениях Суллы и Автрония мы не знаем, да и не было наверняка каких-то особенных нарушений – избирателей подкупали все, используя все способы, какие только можно. Выборы консулов так давно никто не отменял, что Сулла даже, кажется, и не предполагал, что это возможно. Незнатный Автроний, не имевший ни предков-консулов, ни больших денег, и явно ведший кампанию на чужие деньги и используя чужую популярность (я здесь предполагаю, что Помпея) был не так уверен в своих позициях и оказался явно ближе к реальности. Причина, конечно, была не в нарушениях, а в том, что против помпеянцев выступила

такая сила, которая смогла взять под контроль суд и неожиданно перехватить высшую власть у помпеянцев.

На новые выборы попытался выставить свою кандидатуру еще один помпеянец – Катилина, но консул Волкаций, руководившей новой предвыборной кампанией, не допустил его до выборов.

Новые выборы состоялись, наверное, в октябре 66 года – первые выборы были отменены в сентябре, минимальный срок для кандидата для регистрации на выборах был тринундиниум, три римских недели, а октябрь был месяцем Волкация, который, выходит, помпеянцев не поддержал. На выборах победили Луций Манлий Торкват и Луций Аврелий Котта. К власти в Риме пришли партии Катула и Красса. В январе 65 года, в цензоры – высшую надзорную магистратуру – были избраны уже сами Катул и Красс. Сразу после победы, в декабре 66-го, их союз испытал серьезнейшее испытание на прочность – «Первый Заговор Катилины». Наконец-то я изложил вам, мои уважаемые читатели, всю вводную информацию и подхожу к рассказу о самом заговоре. Перед началом нам осталось еще только проведать Гнея Помпея.

Тем временем в Азии: Помпей против Митридата

Помпей, получив зимой 66 года в Киликии новые полномочия, весной собрал армию в Азии и Галатии, забрав легионы Лукулла. Половину флота Помпей направил в Боспор. У Митридата флота не было совсем, а его армия в 30 000 пехоты и 3000 конницы судя по всему уступала по численности римской. Помпей заключил союз с парфянским царем Фраатом, тот напал на Армению и сковал силы Тиграна, единственного союзника Митридата. Помпей выступил против царя, Митридат не пытался оказать сопротивление в Понте и отступил, опустошая местность перед собой, с армией в Малую Армению, на восточный край царства.

В районе между современным городом Сивас и берегами Евфрата армия Помпея (к которой присоединились легионы бывшего наместника Киликии Рекса) окружила и держала в осаде армию Митридата почти 2 месяца. Наконец состоялось сражение (возможно, и два, источники разнятся), в результате которого Митридат бежал с 800 конниками и 3000 пехотинцами.

За дальнейшими передвижениями царя и Помпея я предлагаю вам следить по карте, место битвы я отметил синим треугольником, а дальше следите за стрелками, путь Митридата – зеленая, «погоня» Помпея за Митридатом – красная.

Царь добрался до находящейся в нескольких днях от места сражения пути крепости Синории, где находилась часть его казны – 6000 талантов золота (сумма фантастическая, похоже на очень большое преувеличение, но все же денег явно было много). Захватив казну, он направился вверх по Евфрату, в сторону Колхиды, последнюю не завоеванную римлянами часть его царства. Историки пишут, что царь то поспешно отступал (вряд ли, впрочем, очень уж поспешно, с пехотой и 150 тоннами только золота в обозе), то останавливался на несколько дней, чтобы собрать бежавших с места сражения. Сначала Митридат хотел было опять, как пять лет назад, бежать на восток, к Тиграну, но Тигран арестовал его посланников и объявил награду за голову бывшего союзника.

Тогда Митридат направился на север, пересек горы, достиг Колхиды (современной Западной Грузии), прошел через нее и остался зимовать в Диоскурии (в районе современного Сухуми), в самом дальнем и последнем углу своих владений.

Если бы у царя, как раньше, был флот на Черном море, и тогда бы ему было некуда дальше отступать – в Крыму и на Тамани, в Боспорском царстве правил сын Митридата Махар, который еще в 70 году направил послов к Лукуллу и объявил, что переходит на сторону Рима.

В начале весны 65 года Митридат и его войны, так и не потревоженные римлянами, начнут небывалый переход по суше вокруг Меотиды-Азовского моря, через земли варваров, зачастую враждебных. Они доберутся до Боспора, где Митридат сместит и казнит Махара и займет города и крепости этого отдаленного царства и будет еще несколько лет привлекать союзников, собирать армии и строить планы нового похода на Рим.

Помпей после битвы на Евфрате не преследовал Митридата ни по суше, ни по морю, ни сам, ни поручив это какому-либо из своих легатов. Флот Помпея через

некоторое время, весной 65 года, окажется на побережье Колхиды, в Фасисе (современный Поти) или даже в глубине суши, на реке Фасис, но с Митридатом почему-то тоже не столкнется.

Помпей с армией двинулся на восток – в Армению, царство Тиграна. Тигран к тому времени отбил нападение парфян, но против него восстал его сын и наследник, Тигран Молодой, он потерпел неудачу и бежал к Помпею. Когда армия Помпея подошла к Артаксарту, столице Армении, Тигран капитулировал. Помпей оставил царя на престоле, сына его, после неудачной попытки примирить двух царей, арестовал, получил от Тиграна огромные денежные суммы для себя и своей армии (по 50 денариев солдатам, 1000 центурионам и 6000 трибунам). После этого Помпей повел войско на север, разделил на три части и остановился зимовать в стране албанов (нынешний Азербайджан). Вот тут, наконец, появляется первая дата – в праздник Сатурналий, начинавшийся 17 декабря 66 года, албаны напали на римлян (Помпей их явно на это и провоцировал, и расположившись на их территории, и взяв с собой пленного молодого Тиграна, друга албанского царя).

Теперь остановимся и попробуем прикинуть хронологию действий Помпея по карте. От места битвы с Митридатом, современного Сиваса, до Арташата порядка 1000 километров (мы не знаем, какие пути через горы использовал Помпей). От Арташата до предположительного места зимовки еще примерно 300. Обычный дневной марш римской пехоты составлял 25–30 км, по горам и пересеченной местности для прикидки возьмем 22,5 км, это даст 60 дней. В Армении Помпей провел, судя по описаниям историков, много дней, я думаю, можно предположить, что дней двадцать. Еще сколько-то времени прошло между обустройством зимних лагерей и сражением с албанами – царь албанов должен был получить сведения о римлянах, собрать войско, переправиться через Кир... дадим ему на это 10 дней. Итого 90 дней или 3 месяца. Итак, сражение с Митридатом, исходя из этих прикидок, должно было произойти в середине сентября, а у Тиграна Помпей, значит, был в конце октября и в ноябре. Запомним это и продолжим.

В сражениях 17 декабря римляне победили, они преследовали отступавших албанов до Кира (Куры), а потом отступили обратно в лагерь, где провели еще какое-то время. Зимой или в начале весны Помпей двинулся на запад, разбил и заставил капитулировать царя Иберии (Восточная Грузия) и, наконец, явно уже весной или летом 65 года, добрался до Колхиды, там, у Фасиса (скорее реки) он встретил своего легата Сервилия с флотом. И снова Помпей не идет на Митридата, а оставляет флоту приказ блокировать царя на Боспоре и ведет солдат обратно на восток – он будет снова воевать с албанами, почти дойдет до Каспийского моря, потом повернет на юг, в Сирию... одним словом, будет еще несколько лет воевать с кем угодно, только не с Митридатом, для войны с которым он получил войска и командование.

В кампании против Митридата Помпей действовал медленно и использовал весьма ограниченные силы и средства. В 67 году более десяти его легатов с отдельными армиями и флотами и он сам во главе главных сил молниеносно провели грандиозную операцию против пиратов и закончили ее менее чем в 2 месяца полной победой. В 66 году Помпей все лето ведет против Митридата единственную армию, имея явно превосходящие силы, он не дает сражения, а осаждает царя почти два

месяца. Огромный флот, который мог бы тем временем захватить и Боспор, и Колхду, так что Митридату было бы просто некуда отступить, бездействует. В 65 и 64 гг легаты Помпея пройдут с севера на юг по Сирии и Палестине, разобьют парфян, арабов и иудеев. В 66 году Помпей не направляет отдельной армии против Тиграна, оставляя Митридату возможность действовать вблизи от союзника, а наоборот, присоединяет сирийские легионы к главной армии и только после победы над Митридатом начинает поход на Тиграна.

Объяснение сущностных причин этого довольно простое, вы знаете его из предыдущего эссе – командование и нужно было Помпею как средство захватить под свою власть восток Средиземноморья, с самого начала не предвещавшая трудностей война с Митридатом использовалась только как предлог для получения Помпеем командования, денег и армии, а потом и власти. Значит, чем дольше Митридат бежит и сопротивляется, тем больше у Помпея времени подчинить восточные провинции и царства.

Но я далее постараюсь вам показать более тонкие, частные причины, которые связывали и определяли конкретные действия политиков в Риме и Помпея на Кавказе.

Первый заговор Катилины

В декабре 66 года и январе 65-го в Риме группа потерявших власть помпеяцев, прежде всего осужденные Сулла и Автроний, судя по всему, попыталась устроить переворот, не допустить к власти вновь избранных в консулы Торквата и Котту и вернуть власть себе.

Сначала дадим слово римским авторам, описавшим события.

Современник и участник событий Цицерон в 62 году, защищая Суллу от обвинения в заговоре в 66 году, говорит, обращаясь к сыну Торквата:

Ты утверждаешь, Торкват, что было два заговора: один, который, как говорят, был устроен в консульство Лепида и Волькация, когда твой отец был избранным консулом; другой - в мое консульство; по твоим словам, к обоим заговорам Сулла был причастен. Ты знаешь, что в совещаниях у твоего отца, храбрейшего мужа и честнейшего консула, я участия не принимал. Хотя я и был очень хорошо знаком с тобой, все же я, как ты знаешь, не имел отношения к тому, что тогда происходило и говорилось, очевидно, потому, что я еще не всецело посвятил себя государственной деятельности, так как еще не достиг намеченного себе предела почета, так как подготовка собрания и труды на форуме отвлекали меня от размышлений о тогдашнем положении дел. Кто же участвовал в ваших совещаниях? Все эти люди, которые, как видишь, поддерживают Суллу, и прежде всего Квинт Гортенсий. Его как ввиду его почетного и высокого положения и исключительной преданности государству, так и ввиду теснейшей дружбы и величайшей привязанности к твоему отцу сильно тревожили опасности – общие для всех и угрожавшие именно твоему отцу. Итак, обвинение насчет участия Суллы в этом заговоре было опровергнуто как раз тем человеком, который был участником этих событий, расследовал их, обсуждал их вместе с вами и разделял ваши опасения.

Итак, по вопросу о том заговоре, устроенном, как говорят, против вас, о котором вас оповестили и вы сами сообщили, быть свидетелем я никак не мог.

А вот что говорит Цицерон обращаясь к Катилине:

Неужели тебе, Катилина, может быть мил этот вот свет солнца или воздух под этим небом, когда каждому из присутствующих, как ты знаешь, известно, что ты, в консульство Лепида и Тулла, в канун январских календ [29 декабря] стоял на комиции с оружием в руках; что ты, с целью убийства консулов и первых граждан, собрал большую шайку и что твое безумное злодеяние было предотвращено не твоими собственными соображениями и не страхом, а Фортуной римского народа?

Современник событий Саллюстий.

В год консулата Луция Тулла и Манья Лепида избранные консулы Публий Автроний и Публий Сулла, привлеченные к суду на основании законов о домогательстве, понесли наказание. Вскоре после этого Катилину, обвиненного в лихоимстве, лишили возможности добиваться консулата, так как он не смог заявить об этом в законный срок. В это же время в Риме жил некий Гней Писон, знатный молодой человек необычайной наглости, обнищавший, властолюбивый; бедность и дурные нравы побуждали его вызывать беспорядки в государстве.

Посвятив его в свой замысел приблизительно в декабрьские ноны, Катилина и Автроний намеревались убить на Капитолии в январские календы консулов Луция Котту и Луция Торквата и, захватив фасцы, послать Писона во главе войска, чтобы он занял обе Испании. Когда замысел этот был раскрыт, они перенесли убийство на февральские ноны. На этот раз они задумали умертвить не только консулов, но и большинство сенаторов. И вот, не поторопись Катилина подать перед курией знак своим сообщникам, в тот день произошло бы преступление, тяжелейшее со времени основания города Рима. Но вооруженные люди еще не собрались в нужном числе, что и расстроило их планы.

Писавший позднее Светоний, в жизнеописании Юлия Цезаря:

Это не помешало ему вскоре пуститься в Риме на еще более смелое предприятие. Именно за несколько дней до своего вступления в должность эдила, он был обвинен в заговоре с Марком Крассом, консуляром, и с Публием Суллой и Луцием Автронием, которые должны были стать консулами, но оказались уличены в подкупе избирателей. Предполагалось, что в начале нового года они нападут на сенат, перебьют намеченных лиц, Красс станет диктатором, Цезарь будет назначен начальником конницы и, устроив государственные дела по своему усмотрению, они вернут консульство Автронию и Сулле. Об этом заговоре упоминают Танузий Гемин в истории, Марк Бибул в эдиктах, Гай Курион Старший в речах; то же самое, по-видимому, имеет в виду и Цицерон, когда в одном из писем к Аксию говорит, что Цезарь, став консулом, утвердился в той царской власти, о которой помышлял еще эдилом. Танузий добавляет, что из раскаяния или из страха Красс не явился в назначенный для избияния день, а потому и Цезарь не подал условленного знака: по словам Куриона, было условлено, что Цезарь спустит тогу с одного плеча.

Дион Кассий:

Публий Пет и Корнелий Сулла, племянник великого Суллы, которые были избраны консулами, а затем обвинены в подкупе, устроили заговор с целью убить

своих обвинителей Луция Котту и Луция Торквата, особенно после того как последний тоже был осужден. Среди прочих участников заговора были Гней Пизон и Луций Катилина, очень дерзкий человек, который сам добивался данной должности и поэтому был очень разгневан. Они, однако, не смогли ничего сделать, потому что заговор был заранее раскрыт, и сенат дал Котте и Торквату охрану. Против них даже [было бы] вынесено постановление, если бы не протест одного трибуна.

Я сразу здесь поясню, что Гней Пизон, еще один участник заговора, которого упоминают практически все историки – это молодой человек, которого благодаря влиянию Красса и, наверное, даже и по его предложению сенат в январе назначит наместником Испании. То есть это, так сказать, стопроцентный человек Красса.

Понятно, что все историки описывали сам заговор на основании слухов и обвинений, которые никогда не были доказаны. Однако некоторые события заговора произошли у всех на виду и о них можно говорить как о фактах. Прежде всего, факт, что собственно путча в итоге так и не состоялось. При этом какие-то вооруженные люди вроде бы выходили на форум, сенат дал вооруженную охрану консулам и даже почти объявил чрезвычайное положение, однако никаких даже и беспорядков в обычном «помпеянском» стиле не произошло.

Надо, правда, добавить, что одновременно с этими событиями, в декабре – январе, происходил судебный процесс над Манилием. Трибунские полномочия Манилия прекратились в начале декабря, и его немедленно обвинили по закону о вымогательстве. Можно уверенно сказать, что это Катул начал наводить порядок в государстве, призывая к ответу главных организаторов анархии. Дело вел претор Цицерон, 27 или 28 декабря он хотел рассмотреть дело. Манилий просил отсрочки (по закону ему полагалось 10 дней), но Цицерон назначил суд на завтра, 29 декабря.

Трибуны в тот же день, 27 или 28 декабря, или в день суда, 29, собрали толпу недовольных и вызвали Цицерона на сходку. Там Цицерон заявил, что хотел обеспечить Манилию благоприятное разбирательство дела судом под своим председательством – полномочия Цицерона истекали 30 декабря и произнес речь с нападка на «олигархию», сенат и врагов Манилия и Помпея. Однако «волнение помешало суду собраться», говорит Дион Кассий, рассмотрение дела Цицерон все же перенес на следующий год, пообещав народу защищать Манилия как адвокат (обещание он выполнил).

Некоторые современные историки считают (вы можете прочитать об этом в статье О. В. Любимой, ссылка на нее есть в конце эссе), что весь «заговор» раздут или малозначителен, а все описанные события на самом деле происходили в основном вокруг суда над Манилием – и Катилина выводил вооруженных людей на форум, чтобы воздействовать на проходивший рядом суд Цицерона, и сенат давал консулам охрану из-за беспорядков в том же суде, а заговор и попытку захвата власти уже потом, через много лет изобразили реальными и опасными и приписали Цезарю и Катилине их противники.

Мне кажется, это неправильно. Безусловно, осуждение Манилия было бы сильным ударом по помпеянам и понятно, что они могли этому сопротивляться. Однако потеря власти была неизмеримо более сильным ударом! Потеряв власть, все помпеянцы теряли все, в том числе и те большие возможности защищаться от судов,

которые у них были – так, в 66 году Корнелий и Манилий избежали суда, а в 65-м они оба были осуждены. Вообще цель, смысл и суть политики и действий римских партий, как я их понимаю и здесь реконструирую, состоит именно в борьбе за власть, то есть, в тогдашнем Риме прежде всего за консульство или чрезвычайные полномочия, как у Помпея. В 66 году преторы и консулы сквозь пальцы смотрели на беспорядки, которые устраивали подсудимые и помогали Корнелию и Манилию даже и своими нарушениями закона (Кассий не пришел в суд, Цицерон назначил незаконный срок). В 65 году, при враждебных консулах и преторах, ни беспорядки, ни защита Цицерона подсудимым не помогли. То есть мне кажется самым естественным именно предположение, что главные усилия помпеянцы направили на попытку вернуть власть, а дело Манилия было отчасти фоном, отчасти вспомогательным средством для этого.

Еще есть историки, среди них даже великий Рональд Сайм, автор «Римской революции», которые предполагают, что события заговора были скорее имитацией, что Автроний и Сулла изображали заговор, чтоб напугать своих обвинителей и врагов Торквата и Котту, заставить их принимать меры предосторожности, ходить с охраной и тем самым опозорить как трусов. Здесь я могу только развести руками. Подготовка переворота – это преступление, каравшееся в Риме высшей мерой наказания, изгнанием по закону об оскорблении величия. В 63 году за точно такую же (сомнительную) подготовку переворота с предполагаемым покушением на избранных и действующих консулов пятерых катилинариев, включая действующего претора, консул, получивший полномочия от сената по SCU, казнил без суда. Мне кажется, вступать в игру с такими ставками, выигрыш – власть в Риме и смерть как наказание за проигрыш, чтобы просто напугать врагов, для римских политиков просто невозможно, немислимо. Исходные посылки про цели и смысл действий римских политиков у меня и у авторов таких гипотез настолько разные, что даже спор или критика невозможны, у нас Автронии и Суллы из разных миров.

Хронология событий

Первые дни декабря	<p>Помпеянцы Катилина и Автроний организуют заговор. Они намереваются 1 января насильственным путем не допустить вступления в должность Торквата и Котты и сами, как избранные консулы, вступить в должность и захватить власть.</p> <p>Участие Суллы с самого начала под вопросом – он и на суде вел себя довольно неэнергично, и Цицерон отрицает его причастность к заговору. Однако без его участия сам план был бы просто невозможен, консулов должно быть двое, а если Сулла не принимает полномочия, то консулом должен стать кто-то из избранных на его место. Все-таки, я уверен, на этом этапе, во время сговора, Сулла не мог не участвовать хотя бы в обсуждении вариантов действий.</p>
5 декабря	Катилина и Автроний привлекают к участию в заговоре Гнея Пизона. То есть заговорщики выходят через Пизона на Красса.
25–27 декабря	В сенате кто-то выдвигает открытые обвинения против Красса, Цезаря, Суллы и Автрония в заговоре с целью убийства консулов.

(«за несколько дней» до 1 января по Светонию)

В сенате обвинители рассказывают уже новую версию замысла заговорщиков: *что в начале нового года они нападут на сенат, перебьют намеченных лиц, Красс станет диктатором, Цезарь будет назначен начальником конницы и, устроив государственные дела по своему усмотрению, они вернут консульство Автронию и Сулле.*

Цицерон говорит, что отца и сына Торкватов о заговоре *«оповестили и вы сами сообщили».*

То есть, получается, что Торкват, избранный консул, получил сведения о заговоре (его оповестили, Цицерон в 63 году будет использовать эти слова для обозначения получения сведений через агентов или доносчиков) и, похоже, именно он в сенате и «сообщает», то есть выступает на заседании с обвинениями.

Сенат относится к обвинениям совершенно серьезно и принимает постановление о том, чтобы дать Торквату и Котте (пока еще частным лицам) вооруженную охрану. Интересно, что действующих консулов при этом игнорируют, а силовую поддержку дают консулам будущим.

Также сенат то ли обсуждает, то ли принимает «постановление», возможно даже SCU (если это так, то впервые с 78 года, когда SCU, по настоянию Катугла, был принят против уже выступившего против правительства с армией Лепида) – постановление, по которому консулы наделяются полномочиями применять без суда силу (в том числе вооруженную) против тех, кого они сочтут врагами государства. Консулы до 1 января – Лепид и Волкаций. Однако на это постановление накладывает вето трибун.

Я думаю, едва ли сенат допустил бы, чтобы такое важнейшее средство, как SCU, могло бы так легко быть заблокировано трибуном. Игнорировать трибунское вето сенат не мог, но воздействовать на трибуна, чтобы тот от него отказался (как вы помните, так сделал Габиний в 67 году) или, скажем, перенести заседание за город, где полномочия трибуна не действуют, было вполне возможно. Скорее всего речь идет не о «высшем» (ultimum), а о другом, обычном постановлении. Сенат мог принимать и другие постановления, например, поручить консулам расследовать дело и принять меры (у консулов была и обычная, не чрезвычайная верховная власть в Риме, которую они могли использовать для предотвращения заговора) против заговорщиков. Исполнял бы это поручение Волкаций, декабрь был месяцем его власти. В следующем году, судя по словам Цицерона, которые приведены выше, Торкват, будучи консулом, проводил расследование заговора, созвав из числа сенаторов какой-то совет, в который входил Гортензий.

Как бы то ни было, похоже, что сенат настолько не был готов доверить Лепиду и Волкацию защиту Республики, что исключительно формально попытался дать им поручение что-то сделать, но отступил при первом же, тоже формальном, препятствии.

27–28 декабря	Суд над Манилием, который Цицерон пытается провести сначала в один день, потом откладывает на 29 декабря. Это вызывает недовольство трибунов и толпы.
27–29 декабря	Сходка, устроенная трибунам, на которой Цицерон оправдывается, произносит пламенную речь против сената и врагов Помпея, обещает защитить Манилия и откладывает суд на следующий год. Все это происходило вокруг Ростры, возвышения для ораторов на Форуме.
29 декабря	Вооруженный Катилина стоит на комиции – на Форуме, рядом со зданием Курии, где заседал сенат (Ростра находится рядом).
1 января	Инаугурация консулов Торквата и Котты, первое заседание сената. По источникам Светония, Красс не является на условленное место (в курию? на заседание сената? на форум?), Цезарь приходит, но не подает условного знака. Автроний, Катилина и Сулла, кажется, тоже отсутствуют.
5 февраля	На эту дату заговорщики перенесли выступление. Теперь, по Саллюстию, Катилина поторопился дать знак и выступление даже не началось, потому что вооруженные люди не собрались в нужном числе. Красс, Цезарь, Пизон в этом, втором эпизоде даже не упоминаются.

Конечно, принимать ВСЕ слухи и обвинения, зафиксированные историками, особенно Светонием, который честно переписывал даже самые невероятные и «желтые» слухи в свои жизнеописания, как равно правдивую информацию, было бы с моей стороны довольно наивно. В этом отношении самые сомнительные на мой взгляд утверждения о том, что кто-то подал или не подал сигнал (последствий в обоих случаях не было) или о том, сколько консулов хотели зверски убить злодеи (пока те же злодеи были у власти, они почему-то всегда ограничивались угрозами и даже спасали оппонентов, как Габиний Пизона в 67). Однако я думаю, в том, что прозвучало публично, в сенате или в речи Цицерона к участникам событий в суде, можно быть достаточно уверенным – Цицерон или обвинители могли, конечно, смещать акценты, что-то описывать тенденциозно – но не врать и не выдумывать на ровном месте.

Синхронизация

А вот теперь посмотрим, что знал о делах своих друзей и врагов в Риме Помпей и что в Риме знали о Помпее.

Никакой специальной и регулярной курьерской или почтовой службы у Республики в то время не было. И официальные донесения, и частные письма доставляли примерно с одной скоростью. Письма шли долго. В 47 году помощник Цезаря из Селевкии Пиерии – порта в Сирии добрался до Рима за 28 дней, это очень быстро, едва ли не рекорд. Цицерон летом и зимой получал известия о сыне из Малой Азии за 40 дней. Теперь исходя из этого прикинем время, за которое письма от Помпея могли добраться до Рима и наоборот. Принимая самые быстрые 28 дней для части пути из Сирии или Киликии до Рима (часть флота Помпея в 66 году была

размещена в Финикии, наверняка в Киликии также остались корабли, готовые доставить послания в Рим), мы должны прибавить примерно 500 км по суше от Киликии до Никополя – места решающего сражения с Митридатом, и еще 600–800 км – от Армении. Без ежедневной смены коня можно допустить скорость гонца по суше в 40–50 км в день. То есть выходит минимум примерно 45 дней письмо будет идти от Никополя до Рима и наоборот и минимум 60 – из Армении. Красные стрелки показывают известия в Риме о действиях Помпея, синие – когда Помпей получал известия из Рима.

Время	события в Риме		события в Азии
Июль 66	помпеянцы Сулла и Автроний побеждают на выборах		
Август 66			начало августа - Помпей начинает блокаду-осаду армии Митридата в Малой Армении, продлится 45 дней.
Сентябрь 66	Сулла и Автроний осуждены, выборы отменены		сентябрь - Помпей побеждает Митридата и практически уничтожает его армию
Октябрь 66	На новых выборах консулами избраны Торкват и Котта		Помпей идёт в Армению Митридат отступает в Колхиду
Ноябрь 66			Помпей в Армении
Декабрь 66	начало - Заговор Катилины, Автрония и Суллы, привлёкших Красса конец - Заговор открыт, сенат назначает охрану Торквату и Котте		Помпей на зимних квартирах в Албании
Январь 65	1 января выступление заговорщиков не состоялось Красс не явился		Помпей воюет с иберами
Февраль 65	5 февраля выступление заговорщиков – Катилины и Автрония опять не состоялось		в начале весны Помпей идёт в Колхиду

Реконструкция

Вот, наконец, моя реконструкция событий «Первого заговора Катилины». В общем-то ничего сенсационного я здесь не расскажу, в тех же статьях ученых–исследователей ниже по ссылкам вы найдете примерно те же описания. Я только постараюсь систематически увязать все действия участников и показать, что информированность была важным фактором в принятии ими решений.

Главным действующим лицом в первом заговоре Катилины, даже в свое отсутствие, был, конечно, Помпей. Без него в Риме, без его популярности и авторитета, политика опоры на толпу и поддержания анархии оказалась неэффективной и власть помпеянцев пала.

Помпей, несомненно, учитывал эту вероятность. Самым опасным для него, как недавно для Лукулла, было бы в такой ситуации лишение его командования в Риме. Я думаю, первое, о чем Помпей подумал, узнав в октябре 66 года о том, что к власти

пришли его враги – это именно о своем смещении. Как он мог в Армении противодействовать этому – привязав к себе армию, конечно, чтобы в крайнем случае не сдать командование и повести солдат на Рим. Именно в октябре Помпей требует у Тиграна невероятных денег не только для себя, но и для своих солдат, и еще больше, в необычном для Рима соотношении (Цезарь дарил центурионам в 2, а не 20 раз больше) – для центурионов и офицеров, лояльность которых была в случае, если придется начать мятеж, очень важной.

При этом Помпей, конечно, хотел, чтобы противники в Риме опасались его как можно больше. Для этого он не должен был дать врагам узнать, что он планирует надолго задержаться в Азии – имея такую уверенность, они будут гораздо больше уверены в своих силах – и наоборот, его сторонники не смогут действовать как прежде, узнав, что их еще долго не «прикроет» лично Помпей. Наоборот, Помпей поддерживал полную неопределенность в отношении своих намерений, так, чтобы в Риме все время не могли быть уверены, что он, как он умеет, не закончит войну молниеносно и не вернется в Рим уже вот буквально завтра.

И вот когда Помпей разбил в сентябре Митридата, я думаю, он намеренно послал в Рим такие (правдивые!) официальные донесения, из которых бы выходило, что военная сила царя уничтожена и что он сам, бежавший с горсткой людей, уже не опасен, вот-вот будет настигнут, война кончится и Помпей вернется в Рим во всей своей силе, с огромным войском и со славой новых побед, возможно, еще до конца года, и не мешал шпионам своих противников писать то же самое. Когда эти новости попали в Рим, а это должно было случиться в ноябре, они и запустили «первый заговор Катилины».

Осужденные и потерявшие власть молодые помпеянцы вдруг увидели, что у них неожиданно появился шанс ее вернуть. В обычной ситуации быстрый насильственный захват власти был бы бессмысленным. Перевод борьбы окончательно в поле насильственных действий был бы не в пользу помпеянцев – большинство сената явно было против них, а городская толпа и даже банды – плохая опора. Войск у Суллы и Автрония не было, так что едва ли путчисты продержались бы у власти больше одного–двух месяцев, достаточных для того, чтобы их противники собрали в Италии войска. Под Римом уже и так стоял в ожидании триумфа Лукулл, злейший враг Помпея, с 1600 солдат, которые бы составили основу армии противников заговора.

Однако скорое прибытие Помпея все меняло. В этом случае путчистам и нужно было получить власть практически любой ценой и продержаться те самые один-два месяца, тоже любой ценой, через какие угодно насилие и беззакония, потом Помпей с огромной армией окажется у стен Рима, где его встретят Сулла и Автроний – не осужденные и лишённые гражданской чести, а консулы Республики, которые будут обеспечивать предоставление Помпею триумфа и почестей, утверждение его распоряжений на востоке и проводить выборы, передав власть другим помпеянцам. В такой ситуации Сулла и Автроний, если бы у них все получилось, оказались бы почти наравне с Помпеем и Исавриком. Помпей же, которого бы поставили перед свершившимся фактом переворота, был бы практически вынужден поддержать путчистов, а не восстанавливать законность в пользу своих противников. Впрочем,

Помпей никогда и не отличался большим уважением к римским законам во всем, что касалось власти, так что здесь вряд ли с его стороны были бы какие-то сложности.

Самое слабое место моего объяснения заговора через борьбу трех групп Помпея, Катуты и Красса – то, что в нем не участвуют Исаврик, Курион, Кассий, Мамерк Лепид – влиятельные консуляры, которых я отношу к группе Помпея, а Исаврика так и вовсе считаю в ней вторым после Помпея. Я объясняю это так: у Исаврика и, вероятно, Суллы, бывшего мужем сестры Помпея, была точная информация, от самого Помпея, что Помпей не вернется в ближайшее время. Я думаю, что Помпей согласовал с ближайшими друзьями и сторонниками свои намерения и планы заранее и сообщал им о своих главных действиях и решениях из Азии достаточно четко и ясно (не так, как в официальных донесениях сенату). Тогда можно предположить вот что: Исаврик всегда был уверен, что Помпей провоюет в Азии несколько лет. Вероятно, Помпей прямо подтвердил в письме Исаврику в сентябре, после победы над Митридатом, что его планы не меняются. Так что Исаврик после поражения на суде в августе надолго ушел в тень, чтобы больше не ассоциироваться с молодыми смутьянами-помпеянами, которых одного за другим начали привлекать к суду – и осуждать. Вероятно, у него и никогда не было над ними полной власти или контроля, а с августа 66 года он, похоже, и вовсе перестал с ними сотрудничать. Видимо за Исавриком последовали и остальные влиятельные консуляры-помпеянцы – возможно, он заверил их (показав письмо Помпея или нет), что Помпей не вернется.

Другое дело Сулла. Во время суда в июле–августе 66 он вел себя пассивно и не пытался использовать насилие. Похоже, он исходил из того же – что Помпей не вернется и что лучше не нарушать все законы, так как защищать от суда его еще долго будет некому. Однако уже в октябре, как утверждают обвинители Суллы, он на вторых выборах пытался помочь Катилине, используя уже бандитов. Объяснить это можно так: Сулла в результате осуждения потерял все, в чем состоял смысл жизни нобилия, все возможности участвовать в политической деятельности, и готов был пойти на риск, чтобы добиться восстановления в правах. Это было возможно, – брат через 2 года внес закон об изменении наказания за нарушения на выборах на менее строгое, если бы закон был принят, Сулла вернулся бы в сенат в ранге претория и смог бы вновь участвовать в выборах. Далее, все историки называют Суллу заговорщиком вместе с Автронием. Можно предположить, что Сулла в ноябре–декабре участвовал в совещаниях заговорщиков, хотя никаких активных действий потом и не совершил (дело это для любого заговора обычное, можно вспомнить хотя бы многих из декабристов, которые были активными заговорщиками, но в восстаниях в Петербурге и на юге не стали участвовать). Похоже, Сулла никаких писем от Помпея в ноябре не получил и решил, что планы Помпея могли и измениться.

И наконец, самые активные заговорщики – Автроний и Катилина явно от Помпея правдивой информации о его планах не получали и именно из-за уверенности в его скором возвращении устроили заговор.

Как должен был сработать заговор? Приговоры римских судов нельзя было обжаловать или отменить напрямую, так что Сулла и Автроний не имели, на первый взгляд, права занимать консульство даже если бы они убили избранных консулов Торквата и Котту. Однако на деле все было несколько сложнее. Законность приговора

суда в тогдашнем Риме можно было все же поставить под вопрос, если удавалось обвинить сторону в подкупе судей и добиться обвинительного приговора. Тогда приговор, вынесенный за взятку, становился как минимум сомнительным, хот твердых правил, кажется, не было. И вот тут, похоже, помпеянцы готовили почву для того, чтобы обосновать законность захвата власти. Напомню слова Диона: *Публий Пет и Корнелий Сулла, которые были избраны консулами, а затем обвинены в подкупе, устроили заговор с целью убить своих обвинителей Луция Котту и Луция Торквата, особенно после того как последний тоже был осужден.*

Выходит, между сентябрем и декабрем помпеянцы добились какого-то судебного решения, осуждающего Торквата (все-таки и они, выходит, могли действовать не только чистым насилием, да и на что им тогда был претор Цицерон?). То есть они готовили легальное обоснование для переворота.

Однако насильственный захват власти 1 января был в любом случае трудно представим. Инаугурация – это торжественная процессия, которую консулы вели утром 1 января от своих домов на Капитолий, к месту торжественного жертвоприношения и авгурии-консультации с богами, угодны ли тем новые консулы. В инаугурационной процессии шли многие, если не все, сенаторы, всадники. А посмотреть на нее выходили чуть ли не все римляне (да еще Токвату и Котте дали вооруженную стражу). Даже если при поддержке банд и толпы было возможно заменить в процессии Котту и Торквата на себя, трудно представить, как Сулла и Автроний, силой нарушив церемонию, могли бы в глазах римлян быть хоть немного законными консулами.

Заговорщики, конечно, искали более законный способ захвата власти – и нашли его, связавшись с Крассом.

Катул и Красс, конечно, не заключили союза, ноявно в 66 году достигли каких-то договоренностей, которые позволили им действовать против помпеянцев единым фронтом, победить в судах, взять и удержать власть. Судя по событиям 66 года и дальнейшей истории «двоевластия» в 65-63 гг, Красс и Катул обещали друг другу не прибегать к насильственным действиям в политике и не допускать явно враждебных действий по отношению к партиям друг друга, соблюдая на всех выборах паритет примерно 1 : 1, во всяком случае консульства и цензуры они делили строго пополам, благо римское государственное устройство это очень удачно позволяло.

Но при этом если для Катула Помпей и помпеянцы были архиврагами, с которыми никакой компромисс был невозможен, то Красс был готов точно так же договариваться с Помпеем, как с Катулом. В 66 году он хотел вернуться в большую игру, получить любую долю власти, зацепиться – а потом понемногу увеличивать ее.

Похоже, что уловка Помпея сработала именно на его врагах – и Катул, и Красс серьезно восприняли перспективу скорого возвращения Помпея и оба в критические месяцы действовали так, как будто оно совершенно реально.

Поэтому когда Автроний и Катилина через Пизона вышли на Красса (вот эта деталь по-моему выглядит не как выдуманная, заговорщики осторожны и предлагают Крассу вступить в заговор через надежного посредника которому, видимо, и они сами верили, и знали, что Красс ему доверяет. Прямой контакт был, видимо, возможен – Автроний и Красс были старыми знакомыми, но в тех условиях опасен тем, что мог

выдать Катулу контакты помпеянцев с Крассом, наверняка если не за Суллой и Автронием, то уж за контактами Красса Катул следил), а Красс согласился с ними обсудить условия сотрудничества (как недавно с Катулом). План перехвата власти (который «утек» к осведомителю Торквата и в котором Торкват 25 декабря обвинил заговорщиков в сенате), был таким:

Красс становится диктатором, то есть единоличным верховным чрезвычайным правителем Рима с практически неограниченными полномочиями. Он назначает помпеянца Цезаря начальником конницы, чтобы гарантировать помпеянцам «долю» в этой временной высшей и неограниченной власти.

Как диктатор с высшей властью Красс отменяет решения судов, объявляет первые выборы действительными и передает власть консулам Сулле и Автронию.

План этот выглядит на первый взгляд переусложненным по сравнению с первым планом, а как известно любые сложные планы имеют меньше шансов на реализацию. Однако во многих отношениях он оказывается более реалистичным и надежным (ну, настолько, насколько вообще план переворота может быть надежным).

Диктатура по сравнению с консульством – власть чрезвычайная и высшая, диктатор будет вправе забрать командование над армиями у любых магистратов, включая проконсула Лукулла, и игнорировать почти любые конституционные сдержки и противовесы, которые Катул смог бы использовать против консулов. То есть возможностей продержаться до прихода Помпея у диктатуры больше.

Красс как диктатор сможет защитить Котту так, как он сочтет нужным. Он может и не складывать полномочия и продолжить управлять Республикой вместе с консулами, а может назначить новые выборы консулов-суффектов на тот же год, на которых консулами выберут, скажем, Котту и Катилину, и только тогда уйти.

Конечно, для Автрония и Суллы есть риск, что Красс вообще не отдаст им власть. Однако риск этот не так уж велик – Красс, став диктатором, неизбежно разорвет отношения с Катулом, а до прихода Помпея за пару месяцев точно не успеет собрать армию, которая могла бы противостоять помпеевой, так что в силовом противостоянии он заведомо будет слабее. Кроме того, Цезарь как начальник конницы будет в состоянии противодействовать Крассу.

Главный вопрос – а как заговорщики вообще собирались добиться назначения Красса диктатором? Ведь диктатора по римским нормам назначал сенат. Можно предположить, что тут заговорщики намеревались отойти от обычных норм и вернуться к прецеденту времен войны с Ганнибалом, когда диктатора назначило народное собрание – тут у готовых на насилие помпеянцев и Красса было явно больше возможностей провести комиции так, чтобы получить нужный результат. Основанием для введения чрезвычайного положения в такой архаичной форме, да еще после недоброй памяти диктатуры Суллы, должны были стать какие-то очень чрезвычайные обстоятельства. Пожалуй, нападение на сенат, о котором говорит Светоний (этот план, напомню, огласил в сенате Торкват) и, видимо, на инаугурационную процессию такими чрезвычайными обстоятельствами, конечно, будет.

На первый взгляд кажется, что предполагается совершенно внезапно и немотивированно начать какое-то ультра-насилие, что это действительно, как говорит

Сайм, фантастика и какие-то фантастические угрозы. Но давайте вспомним, что буквально полтора года назад толпа под предводительством Габиния напала на сенат, разогнала сенаторов и чуть не убила консула Пизона, и что помпеянцы весь 66 год использовали и возглавляли организованное насилие банд рабов, отпущенников, гладиаторов и просто бандитов в судах.

Нужен повод? – вот дело Манилия, которое благодаря манипуляциям Цицерона и призывам трибунов разогрело толпу и привело к беспорядкам. Правда, осторожный Цицерон быстренько отступил и перенес суд, ликвидировав повод для дальнейших беспорядков.

И вот, наконец, мы приходим к развязке. Отступил не один Цицерон – Красс, Автроний и Сулла не явились на собственный путч 1 января 65 года, да и 5 февраля 65 года Катилина ничего не начал. Похоже, из всех заговорщиков слово сдержал и вышел на условленное место начинать мятеж один только Цезарь. Представьте, что не только диктатор Трубецкой, а вообще никто из декабристов не вышел бы 14 декабря 1825 года на сенатскую площадь – а один бы вышел. Я думаю, именно храбрость и верность слову Цезаря так впечатлили Красса, что именно тогда и началось их с Цезарем тесное сотрудничество, которое продолжалось потом 12 лет, до самой смерти Красса.

А что же остальные? Похоже, они не выдержали состязания не крепость нервов с Катуллом. Когда произошла утечка, Катулл в своем стиле начал открытую и резкую контригру, выставив Торквата с обвинениями в сенате 25 декабря. На этом заседании сенат поддержал и наделение будущих консулов охраной, и постановление против заговорщиков. То есть Катулл продемонстрировал, что власть в его руках, да к тому же получил и выставил против помпеянцев свою, легальную вооруженную силу. Прошло то время, когда еще недавно, в начале 66 года, Катулл вдвоем с Гортензием отчаянно уговаривали сенаторов объявить чрезвычайное положение и противодействовать Манилию и его толпе, а сенаторы в ответ испуганно молчали. Теперь, наконец, сенат готов был открыто выступить за Катуллом и Торкватом против помпеянцев в Риме.

Второй, да и, наверное главной причиной отказа от выступления была, конечно, нараставшая неуверенность заговорщиков в том, что Помпей скоро вернется. К концу декабря в Рим должны уже были попасть сведения 50-дневной давности – начала ноября, о том, что Помпей направился далеко на восток, на войну с Тиграном, что он в Арташате ведет с армянским царем переговоры, что Митридата не догнали – да и не гонится за ним никто и что он, конечно, будет продолжать войну, а значит, Помпей поведет против него следующую кампанию уже весной и летом, и вернется в самом лучшем случае в середине следующего года. Продержаться столько, да еще не имея уверенности, что Помпей вернется даже через год (а он и правда не вернулся) они, наверное, уже не рассчитывали.

Перенесение выступления на февраль, если оно вообще произошло, было, видимо, последней попыткой заговорщиков опереться на слабую надежду, что Помпей все же вернется (хотя Красс явно после 1 января разорвал с ними все контакты, и Катилина и Автроний действовали уже одни, наверное, вернувшись к первому плану убить консулов и занять их место). Возможно, заговорщики пытались все это время получить какой-то ответ от Помпея, одобрение своих действий, но едва ли они такой

ответ получили. Тогда они уверились в том, что Помпей их бросил. Фактически на этом история помпеянцев в Риме и заканчивается. Все они прекратили борьбу и оставили дело Помпея.

Ни один из тех, кто участвовал в заговоре или упоминается в связи с ним, не оказался на стороне Помпея, когда тот вернулся в Рим в 62 году. Цицерон был к тому времени в группе Катюла, Цезарь тесно сотрудничал с Крассом. Сулла, когда Цезарь возвратил ему права, в гражданской войне воевал против Помпея. Автроний и Катилина добивались власти вместе с Крассом в 63 году. Манилий и Корнелий были осуждены в 65 году и больше о них ничего не известно. Только Габиний, вовремя ставший легатом Помпея, воевал под его начальством на востоке. Два года насилия, анархии и власти толпы и банд закончились. В 65 году во время судов над Манилием и Корнелием будут последние попытки банд сорвать суды, но они кончатся неудачей. Группа Катюла вернет на улицы Города порядок.

Остался последний вопрос – почему Помпей так легко бросил своих людей, дезинформировал их и, может быть, даже провоцировал на обреченное выступление? Ответ прост – Помпей всегда так делал, он легко разменивал людей, если это приносило ему выгоду, поступая как полководец, отправляющий воинов на смерть ради победы, а не как римский политик. Помпей не считал себя связанным ни с кем постоянными отношениями и обязательствами, он принимал дружбу, верность и услуги, но не отвечал тем же, как равный равному. Вы видели, как он использовал Метеллов и повернулся против них. В 50-х он так же легко бросит на осуждение своего вернейшего человека Габиния, того осудят за то, что он выполнял волю Помпея, и Помпей ему ничем не поможет.

Помпей создавал совершенно необычную для римской политики систему личной власти и доминирования в римском государстве, не сеть дружб и обязательств, а пирамиду, где все должны работать исключительно на «царя». Те, кто как Сулла, Цицерон или Автроний примыкали к нему, чтобы самим подняться по карьерной лестнице и претендовать на власть, Помпею были не очень-то ценны и он легко ими пожертвовал. В 66 году ему важнее было поддерживать у своих врагов в Риме сомнения и тревогу, держать их под угрозой своего возвращения, чем спасать своих людей, которые принесли ему восточное командование и стали больше не нужны.

Суды на Корнелием.

<https://cyberleninka.ru/article/v/sudebnye-protsessy-po-obvineniyu-v-oskorblenii-velichiya-nad-narodnym-tribunom-67-g-do-n-e-gaem-korneliem>

Первый заговор Катилины

<http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1456863193#t59>